

19. Специфика формирования социального государства в России и Белоруссии / Т. В. Карадже [и др.]; Ин-т соц. исслед. Моск. гос. соц. ун-та, Ин-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Беларуси. – М.; Минск, 2002. – 128 с.

20. Гончаров, П. К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель / П. К. Гончаров // Соц.-гуманитар. знания. – 2000. – № 2. – С. 18–36.

21. Федотова, Н. Н. Социальное государство – результат эволюции национального государства / Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2019. – № 10. – С. 17–21.

22. Федотова, В. Г. Социальное государство и хорошее общество / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 5–10.

23. Касавина, Н. А. Феномен достойной жизни в контексте проблемы социального государства / Н. А. Касавина // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 22–27.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

О. А. Посталовская,
Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. Postalovskaya
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 327+502.1

**ДИСКУРС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
DISCOURSE «COLOR REVOLUTIONS»:
A POLITICAL DIMENSION**

Представленная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации сценария «цветных революций» (ЦР) на постсоветском пространстве. Анализируются авторские подходы к определению понятия «цветная революция», раскрываются технологии дестабилизации политических систем, рассматриваются конкретные примеры реализованных «цветных революций». В статье аргументированно на основании анализа «кейсов» ЦР доказывается тезис о необходимом рассмотрении «цветных революций» как комплекса технологий дестабилизации политических систем, которые нельзя называть ненасильственным трансформационным процессом.

Ключевые слова: революция; «цветная революция»; технология; сценарий; политика; постсоветское пространство; динамика; процесс; дестабилизация; политическая система.

The presented article is devoted to the consideration of the peculiarities of the implementation of the scenario of «color revolutions» (CR) in the post-Soviet space. The author analyzes the author's approaches to the definition of the concept of «color revolution», discloses technologies for destabilizing political systems, examines specific examples of implemented «color revolutions». The article argues on the basis of the analysis of «cases» of the CR, the thesis about the necessary consideration of «color revolutions» as a complex of technologies for destabilizing political systems, which cannot be called a non-violent transformation process.

Keywords: revolution; «color revolution»; technology; scenario; politics; post-Soviet space; dynamics; process; destabilization; political system.

Социодинамика произошедших в последнее десятилетие политических конфликтов на постсоветском пространстве актуализирует обращение исследователей к анализу феномена «цветных революций». Сама по себе «цветная революция» (ЦР) как политологический феномен и форма ускоренной циркуляции правящей элиты постоянно видоизменяется, приобретая новые сценарии и технологии стимулирования конфликтогенного потенциала. Учитывая содержательное многообразие сценариев ЦР и накапливаемый исследовательский опыт научного осмысления данных процессов в политической науке необходимо отметить, что указанный тип политической конфликтогенности претерпел содержательную трансформацию от концептуализации данного явления как процесса до конкретных технологий искусственного стимулирования социального напряжения в обществе с целью дестабилизации политической системы.

В указанных контекстах представляется актуальным обращение к анализу феномена «цветных революций» с целью выработки комплексного представления и подхода к интерпретации указанной технологии конфликтогенности с учетом происходящих на постсоветском пространстве событий. Актуальность рассматриваемой проблематики формирует исследовательскую цель – рассмотрение динамики развития технологий «цветных революций» в контексте теоретико-методологического инструментария политической науки. Предметом настоящей статьи выступает процесс трансформации ЦР от процесса ускоренной циркуляции правящей элиты до комплекса технологий дестабилизации политических систем. Неупорядоченное социально-политическое развитие ряда государств бывшего СССР, а также неразрешенные еще с союзных времен противоречия в бывших советских республиках выступили в качестве факторов дестабилизации и иных форм конфликтности в период 90-х годов (Осетия, Абхазия, Приднестровье, Чечня, политический кризис октября 1993 г. в Российской Федерации и др). Как правило, указанные выше конфликты либо приобретали форму внутривнутриполитических кризисных явлений, либо трансформировались в вооруженный конфликт.

Начиная с 2003 г. на постсоветском пространстве активно применяются и реализуются на практике технологии «цветных революций». «Революция Роз» в Грузии (2003), «Оранжевая революция» в Украине (2004), «Тюльпановая революция» в Киргизии (2005), «Сиреневая революция» в Молдове (2009), «Дынная революция» в Киргизии (2010), «Революция достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014), «Бархатная революция» в Армении (2018) – наиболее известные и реализованные на практике сценарии «цветной революции» в государствах бывшего СССР. Исследованию заявленной проблематики посвящены работы В. А. Барсамова [1], В. В. Лапкина [2], Б. В. Межуева [3], Д. Е. Фурмана [4] и др.

Особенностью постсоветских «цветных революций», по мнению В. Е. Авдеева, А. О. Наумова и А. Ю. Наумовой, выступил молниеносно-экспрессивный характер реализации сценария и логики революционного процесса, результатом которого выступил относительно быстрый период радикальной трансформации политических элит. «...“революционерам” не пришлось заниматься изнуряющей, растянутой на несколько поколений работой по подрыву режима. Все этапы “революционной” борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества: сетевые структуры, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ» [5, с. 11]. Вместе с тем в научной среде актуализирован вопрос о том, считать ли данный процесс (ЦР) революцией в принципе. Для классической революции, прежде всего, характерна стадийность и обязательный элемент смены общественно-экономических формаций. В случае с «цветными революциями» часто изменяется не сама система, а только политические лидеры под воздействием обстоятельств, сформированных сценарием ЦР. Вследствие чего сам по себе процесс развития конфликтности в рамках парадигмы ЦР стал принимать формы комплекса конкретных технологий по дестабилизации политических систем.

Технология «цветной революции» – это комплекс методик политической дестабилизации правящей элиты, направленный на ее ускоренную циркуляцию. Преобразование, равно как и сами предпосылки революционной ситуации, в ряде случаев может отсутствовать. Как отмечается в работе Г. Ю. Филимонова, «...“цветные революции” – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [6, с. 413]. А. Э. Гапич и Д. А. Лушников, описывая указанную форму социально-политической дестабилизации, считают, что «цветные революции» представляют собой «симбиотический тип переворота и элитной (в контексте теории правящих элит – П. А.) революции, но без изменений в базисных формах экономической организации и собственности» [7, с. 12]. «Отличительный признак цветных революций, – пишут А. А. Керимов и Т. В. Вербицкая, – заключается в том, что они представляют собой целый спектр управляемых политических процессов и технологий, иницируемых и внедряемых иностранными или транснациональными заказчиками и направленных на трансформацию политических режимов государств в выгодном заказчикам русле (вследствие геополитических и экономических интересов и достаточности ресурсов для реализации таких интересов)» [8, с. 12].

Также, на наш взгляд, необходимо отметить феномен внешнего управления со стороны геополитических субъектов, формируемый во многом

для создания искусственных предпосылок социальной напряженности, которая по мере развития сценарного содержания динамики «цветной революции» трансформируется в управляемый взрыв хаос.

Необходимым компонентом «цветных революций», по мнению Г. Г. Почепцова, выступает управляемость революционного процесса. «Инженерия протеста, – пишет автор, – опирается на инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые» [9, с. 9]. Как отмечает А. В. Манойло, «любая международная подсистема, оказавшаяся в кризисе, становится уязвима для внешнего воздействия» [10, с. 65]. Соответственно, по мнению исследователя, «... для того, чтобы управлять этой подсистемой, необходимо превратить ее в очаг нестабильности, когда прежние механизмы стабилизации перестают действовать и от распада подсистему может спасти только импорт идей, концепций, идеологических установок, которые нередко полностью замещают прежние. Примером такого кризисного управления являются так называемые бархатные революции на пространстве СНГ...» [10, с. 65]. Высказанное суждение наиболее полно, на наш взгляд, отражает прямое назначение «цветных революций» – превращение стабильной ранее системы в неупорядоченное состояние. Первоначальной задачей разработчиков сценарного плана «цветной революции» выступает дестабилизация политической системы с последующим обеспечением управляемости активизируемого дестабилизационного процесса. В данном случае дестабилизация выступает формой замещения объективных предпосылок революции, поскольку без искусственного создания конфликтной ситуации революционная ситуация будет отсутствовать сама по себе.

Управление искусственно сформированным конфликтом либо кризисом выступает следующей задачей реализации на практике сценария «цветной революции». Само по себе управление конфликтом предполагает контроль за развитием конфликтной ситуации, в частности, полную монополизацию на предполагаемые формы конфликто разрешения. В данном случае предполагается импорт конкретных идей и акций, направленных на логическое завершение сценария «цветной революции», а именно ускоренная циркуляция правящей политической элиты. Соответственно, действующая власть априори постулируется идеологами «цветной революции» в качестве негативного явления («навешивание ярлыков»), естественным процессом разрешения которого будет выступать ее смена, визуально преподносимая под видом позитивного и социально необходимого явления.

Теоретико-методологической основой сценарного содержания «цветной революции» выступает концепция ненасильственного сопротивления действующей власти Д. Шарпа. «... Ненасильственная борьба, – пишет Д. Шарп, – приводит к такому изменению конфликтной ситуации и общества, что противник просто не может поступать так, как хотел бы. Именно такое изменение вызывают к действию остальные три механизма: приспособление, ненасильственное принуждение и разрушение» [11, с. 49]. В дан-

ном случае Д. Шарп, предлагая ненасильственные технологии дестабилизации политического режима, фактически девальвирует право государства на легитимное насилие как форму предупреждения массового неповиновения. Реализуя право на легитимное насилие, государство, по сути, остается в проигрышном для себя положении, поскольку само по себе применение насилия в отношении протестующих в условиях информационных войн и распространения «фейк-ньюз» априори дискредитирует правящую элиту, поскольку оппоненты власти представлены в общественном сознании в образе жертвы.

Ненасильственный протест, с одной стороны, выступает фактором последующей мобилизации протестного потенциала оппозиционно настроенного населения ввиду визуальной демонстрации властью своей слабости и неустойчивости. С другой стороны, в среде самих правоохранительных органов возникает недоверие к действующей власти, которая в нормативном порядке требует активного включения силовых структур в процесс подавления либо силовой минимизации ЦР. Кроме того, сам по себе факт последующей дискредитации ввиду применения силы способствует тому, что силовые структуры самоустраняются из борьбы с оппозицией, вследствие чего власть окончательно теряет возможность радикального силового предупреждения массового протеста. Фактическое самоустранение силовых структур из политического конфликта, результатом которого выступает дальнейший «паралич» правящей элиты в противостоянии с оппозицией, характерно практически для всех «цветных революций» первой волны (2003–2005 гг.) на постсоветском пространстве, в том числе и для украинской «Революции достоинства» (2013–2014 гг.).

В своем труде «От диктатуры к демократии» Д. Шарп представил концепцию 198 ненасильственных методов дестабилизации политических режимов, призванных обеспечить принудительную циркуляцию правящих элит. Данные технологии в полной мере были реализованы в период первой волны «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003–2005 гг. – «Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» в Украине, «Тюльпановая революция» в Киргизии) – «лозунги, карикатуры, символы» (метод № 7), «вывешивание флагов, использование предметов символических цветов» (метод № 18), «насмешки над официальными лицами» (метод № 32), «братание с солдатами» (метод № 33), «пение» (метод № 37), «митинги протеста» (метод № 48) и др.

Общей особенностью первого этапа реализации стратегии «цветных революций» на постсоветском пространстве (2003–2006) выступало применение их технологий в период электоральных кампаний, что позволяло оппонентам правящей власти придать элементы внешней и визуальной легитимности своим действиям. Частично технологии реализации сценария «цветной революции» вписывались в общий контекст избирательных кампаний, при этом обязательным атрибутом стратегии дестабилизации политического режима выступали акции по непризнанию итогов

голосования. Как отмечает в данном случае С. А. Марков, «убежденность в том, что власти готовят массированную фальсификацию, создала предпосылки не только для массового протеста, но и сформировала идеологию будущей революции» [12, с. 68]. Заведомое обвинение оппонентов в фальсификации выборного процесса, с одной стороны, служило фактором внутренней мобилизации протестного потенциала. С другой стороны, данная акция активизировала внешнее дипломатическое давление со стороны западных государств на правящую элиту.

В научной среде также выделяются морально-психологические контексты реализации сценария «цветной революции». «Он основывался, – пишет А. О. Наумов, – на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, – справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее» [13, с. 57]. Ценностное противопоставление условно позитивных «мы» и априори негативных «они» уже на первоначальных этапах реализации «цветной революции» четко определяло круг потенциальных участников конфликта, в котором действующая власть посредством ресурса СМИ заранее объявлялась в качестве основного соперника.

Комбинация указанных выше факторов способствовала реализации сценария «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии (2003–2006 гг.). Технологии дестабилизации и радикальной трансформации правящих элит в данном случае были направлены на сложившиеся персоналистские режимы (Э. А. Шеварднадзе, А. А. Акаев) и недопущение мягкой циркуляции (передачи) властных полномочий в отношении кандидата от власти (В. Ф. Янукович). Для прошедших в данный временной период «цветных революций» на территории СНГ характерен в целом ненасильственный характер трансформационных политических процессов и высокий морально-психологический эффект ускоренного свертывания (ухода со сцены) правящего режима, который в форме «эффекта домино» распространялся в другом государстве постсоветского пространства [14, с. 280].

Тем не менее, несмотря на ряд примеров практической реализации сценария «цветной революции» на постсоветском пространстве, отдельные государства (Узбекистан, 2005; Армения, 2008) смогли выработать комплекс мер по предупреждению дестабилизирующего воздействия технологий ненасильственного свержения правящей элиты. Оппозиция в Армении оказалась неспособна аккумулировать протестный потенциал в реальную политическую силу, способную оппонировать правящей элите на основе изложенных Д. Шарпом рекомендаций. Неудачные попытки реализации сценария ненасильственного свержения действующей власти в Армении показали, что для обеспечения результативности акций оппозиции необходимо видоизменить тактику своих действий в сторону открытых радикальных столкновений.

Относительная радикализация практического применения теории ненасильственного протеста произошла в Молдове 6–8 апреля 2009 г. («Сиреневая революция»). Погромы и захват правительственных зданий оппозицией в Кишиневе вынудили действующую власть согласиться с требованиями демонстрантов и назначить пересчет голосов парламентского голосования. Вследствие чего правящая партия (партия коммунистов Республики Молдова) не смогла обеспечить конституционного большинства в парламенте. В целом «Сиреневая революция» не привела к радикальной трансформации правящей политической элиты, однако после событий 6–8 апреля в Молдове произошел коллапс власти ввиду невозможности парламентских фракций выработать компромисс относительно в равной степени устраивавшей всех кандидатуры Президента Молдовы. В результате «Сиреневой революции» в период 2009–2012 гг. пост Президента был фактически вакантным.

Массовые демонстрации и открытые столкновения с органами правопорядка были характерны для второй революции («Дынная революция») в Киргизии 6–16 апреля 2010 г. Для нее характерен окончательный переход к радикальным действиям и столкновениям, в том числе и с человеческими жертвами. Аккумуляция протестной активности по-прежнему проводится посредством СМИ, западные государства оказывают акцентированное внешнее дипломатическое давление на правящий режим, в числе революционного актива по-прежнему находятся радикальные молодежные группы. Тем не менее «цветные революции» классического ненасильственного формата окончательно исчерпали свой потенциал. Теперь наряду с визуальными признаками внешне ненасильственного протеста (например, массовое неповиновение) для последующей дестабилизации необходимы также радикальные действия, в частности, провоцирование правоохранительных органов и силовых структур на открытое насилие в отношении оппозиции. Кроме того, необходимо отметить, что сама по себе реализация сценария «цветной революции» оказалась эффективной не только во время электоральных кампаний [14, с. 288].

В период «Революции достоинства» («Евромайдан») в Украине (2013–2014 гг.) в качестве стратегии противостояния с режимом В.Ф. Януковича была выбрана комбинация насильственных и ненасильственных методов дестабилизации. Оппоненты В. Ф. Януковича избрали такие формы протеста, как массовое неповиновение, многочисленные митинги, блокировка работы государственных органов, занятие протестующими правительственных зданий и администраций и др. Так же, как и в Киргизии (2010), использовались технологии явного провоцирования силовых структур на насилие в отношении оппозиции. Но даже в таких условиях правящая власть, несмотря на кризисное состояние, продолжала сохранять статус-кво. В указанных контекстах оппозицией была использована технология наличия «сакральной жертвы» («Небесная сотня») – значительного количества жертв среди оппозиционеров, гибель которых была спровоцирована

самими организаторами массовых беспорядков. Данная технология была заимствована из сценария реализованных революций в Тунисе и Египте (2010–2011 гг.). Наличие «сакральной жертвы», стремительно развивающийся нарратив сопротивления и внешнее дипломатическое давление вынудили В. Ф. Януковича самоустраниться от власти в пользу сторонников «Евромайдана» [15, с. 288–289].

В заключение следует сказать, что «цветная революция» как политологическая категория представляет собой комплекс технологий реализации сценария дестабилизации политической системы. ЦР – не является, по сути, динамическим процессом, это, прежде всего, совокупность технологий, в частности информационно-коммуникативных. «Цветная революция» не является формой исторического процесса, в данном случае уместно говорить о конкретных приемах стимуляции социального напряжения и внешних методах управления конфликтами. Ненасильственные внешне технологические ускоренной циркуляции политических элит на постсоветском пространстве претерпели содержательное изменение в сторону радикальных методов разрешения политических конфликтов, окончательно утратив формы мирной трансформации.

Список использованных источников

1. Барсамов, В. А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты / В. А. Барсамов // Социс. – 2006. – № 8. – С. 57–66.
2. Лапкин, В. В. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России / В. В. Лапкин // Полис. – 2004. – № 7 – С. 74–88.
3. Межуев, Б. В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста / Б. В. Межуев // Полис. – 2006. – № 5. – С. 75–90.
4. Фурман, Д. Е. Киргизские циклы = Kirghiz cycles / Д. Е. Фурман, С. А. Шерматова. – М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2010. – 82 с.
5. Наумов, А. О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве / А. О. Наумов, В. Е. Авдеев, А. Ю. Наумова. – СПб.: Алетейя, 2014. – 164 с.
6. Филимонов, Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М.: РУДН, 2015. – 581 с.
7. Гапич, А. Э. Технологии цветных революций: монография / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. – 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. – 126 с.
8. Вербицкая, Т. В. Концепция цветной революции в политической науке / Т. В. Вербицкая, А. А. Керимов // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология». – 2019. – Т. 46. – № 1. – С. 154–162.
9. Почепцов, Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 532 с.
10. Манойло, А. В. Технологии несилевого разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.
11. Шарп, Д. От диктатуры к демократии. Антипутч / Д. Шарп, Б. Дженкинс; пер. с англ. Н. Макаровой; комм. Э. Лимонов, А. Цветков, И. Шамир, И. Яшин. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.

12. Марков, С. А. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества XXI века / С. А. Марков // «Оранжевая революция». Украинская версия: сб. / сост. М. Б. Погрєбинский. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С. 65–90.

13. Наумов, А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А. О. Наумов. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 274 с.

14. Посталовская, О. А. «Цветная революция»: трансформация технологий дестабилизации политических режимов на постсоветском пространстве / О. А. Посталовская, А. В. Посталовский // Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. К 100-летию Великой русской революции. Коллективная монография / под ред. Е. Б. Дудниковой, В. Я. Романченко, Н. В. Шалаевой / ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова». – Саратов: ООО «ЦеСАин», 2018. – С. 276–290.

(Дата подачи: 02.02.2022 г.)

А. С. Рыжий

Белорусский государственный университет, Минск

A. Ryzhy

Belarusian State University, Minsk

УДК 321.013

БАК 23.00.05

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

THE EMERGENCE AND TRANSFORMATION OF THE ADMINISTRATIVE TERRITORIAL STRUCTURE ON THE BELARUSIAN LANDS

Статья посвящена процессам административно-территориальной организации власти на белорусских землях от Древнерусского государства до распада Российской империи. Затрагиваются вопросы центр-периферийных отношений и территориальной идентичности. Выделяются три модели административно-территориального устройства на белорусских землях в исследуемом временном интервале: вассально-княжеская, наместническо-воеводская, губернская.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство; административно-территориальное деление; административно-территориальная единица; центр-периферия; территориальная идентичность.

The article is devoted to the processes of administrative and territorial organisation in the Belarusian lands from the period of Kievan Rus' to the collapse of the Russian Empire. The issues of center-peripheral relations and territorial identity are touched upon. The author identifies three models of administrative-territorial structure in the Belarusian lands in the studied time interval: vassal-princely, vicegerent-voivodship, gubernial.